

А.С. СОКОЛОВ, Н.А. СТЕПАНОВ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАК УСЛОВИЕ ПОИСКА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

***Аннотация:** В сфере теоретической подготовки специалистов гуманитарной сферы одной из актуальных задач является овладение междисциплинарными принципами в исследовательской практике. Междисциплинарный подход приобретает сейчас особое значение. Это связано с превращением истории в междисциплинарную научную сферу, интегрирующую результаты исследований многих социальных и гуманитарных дисциплин.*

В организации высшего образования современному выпускнику высшей школы не хватает системности подготовки в области гуманитарного знания. Такая ситуация характеризуется как минимум содержательной дискретностью, когнитивными разрывами сознания студентов. История как гуманитарная дисциплина должна стать моделью «методологии полного цикла». Междисциплинарность при поиске и обосновании цивилизационной идентичности выступает универсальным как исследовательским, так и образовательным принципом. Социальная история может дать обоснование и анализ специфики российской цивилизации как модели социальной жизни. Историческая социология, изучая социальные структуры разных обществ, социальные «скрепы» общества ответит на вопрос в каком обществе мы живем?

Соколов Александр Станиславович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии Рязанского государственного радиотехнического университета им. В.Ф. Уткина (Рязань). E-mail: falcon140770@yandex.ru.

Степанов Николай Александрович – кандидат философских наук, доцент, руководитель центра социальной теории и проблем управления Рязанского государственного радиотехнического университета им. В.Ф. Уткина (Рязань). E-mail: nikolaiastepanov@gmail.com.

Abstract: *In the field of theoretical training of humanitarian specialists, one of the most urgent tasks is to master interdisciplinary principles in research practice. An interdisciplinary approach is now becoming particularly important. This is due to the transformation of history into an interdisciplinary scientific field that integrates the results of research in many social and humanitarian disciplines.*

In the organization of higher education, a modern graduate of a higher school lacks systematic training in the field of Humanities. This situation is characterized at least by meaningful discreteness, cognitive gaps in students' consciousness. History as a humanitarian discipline should become a model of "full-cycle methodology". Interdisciplinarity in the search for and justification of civilizational identity is a universal research and educational principle. Social history can provide justification and analysis of the specifics of Russian civilization as a model of social life. Historical sociology, studying the social structures of different societies, the social "bonds" of society, will answer the question in which society do we live?

Ключевые слова: *высшее образование, социальная история, социальная теория, междисциплинарность, цивилизационное развитие.*

Keywords: *higher education, social history, social theory, interdisciplinarity, civilizational development.*

Постановка проблемы. Дискуссионное пространство научного альманаха по проблемам социальной теории как нельзя лучше располагает к поиску новых ипостасей исторического знания. Центральным вопросом научного поиска мы считаем, в данном случае, вопрос о соотношении категорий «история», «социология», «социальная история», «междисциплинарность» и определение их содержания.

Здесь следует вспомнить подход Ю.М. Резника, заключающийся в том, что «социальная теория — это общая концептуальная и методологическая часть социальных наук, охватывающая круг "универсальных" проблем социума и прежде всего проблемы институционализации, структурной организации социума, социальной дифференциации и социальных изменений, которые находятся в центре внимания всех социальных наук, а не только социологии. Их междисциплинарный статус сегодня уже никто не оспаривает...» [9, 309].

Формы междисциплинарного синтеза истории и социальных наук. Следует учесть, что междисциплинарность, как способ существования и развития научного знания, имеет свои предпосылки не столько в научной императивности, предлагающей внешний стимул для неё, сколько в логике развития любой отрасли научного знания, в т.ч. и истории, при достижении определенного порога её развития, который требует выхода за пределы самого предмета и логики отраслевой науки.

Можно сформулировать в этой связи несколько тезисов.

1. В части организации высшего образования, современному выпускнику высшей школы, в частности, инженеру, на наш взгляд, не хватает системности в подготовке в области исторических, гуманитарных и социальных науках. Так, структура содержания современного отечественного высшего образования, формализованной квинтэссенцией которого являются образовательные стандарты, не предполагает развитие у выпускника вуза междисциплинарной логики и способности к комплексному пониманию многообразия окружающего мира.

Технократически выстроенное, т.е. «привязанное» к функциональной и социально-экономической структуре общества, советское высшее образование развивало у студента способность системного взгляда на мир, но в пределах своей профессиональной парадигмы. Отсутствие междисциплинарного понимания мира приводило к тому, что, например, экономист, понимающий как работает экономика, не был в состоянии полноценно ею управлять, поскольку не был обучен видеть социальные и политические аспекты данной науки.

2. В части структурирования гуманитарного знания в высшей школе можно констатировать отсутствие *преемственности* и содержательного единства преподаваемых дисциплин. В частности, это проявляется в отсутствии междисциплинарности и полипарадигмальности в этом процессе. Расширение предметного поля истории как образовательного феномена имеет принципиальную перспективу преодоления указанных противоречий организации гуманитарного образования в вузе.

3. Признание специфики исторического познания не отрицает, а во многом предопределяет значение теоретического компонента в исторических исследованиях. Он проявляется и в стремлении к конструированию макромоделей, осмыслению исторического целого [7, 32]. На всём протяжении параллельного существования истории и социологии, обе науки продуктивно и активно взаимодействуют. Их близость основывается на том, что история, подобно социологии, стремится находить, реконструировать, расшифровывать и сохранять представления и данные о минувшем, а также запечатлевать для потомков точный образ уходящего мира. Схожесть обеих дисциплин предопределена и тем, что социология, как и история, в своей преобладающей части занимается исследованием социальных фактов, социальных действий индивида, групп, народов и т.д. Можно согласиться с мнением, что история в социологии составляет один из важнейших элементов ее научного, профессионального самосознания [2, 20].

Взаимоотношения истории и социологии началось с первых моментов существования социологической науки. К началу XX в. складывается

новое направление исторической мысли — *социальная история*. Первоначально эта дисциплина исследовала те же проблемы, которыми занимается социология: социальная стратификация и мобильность, общественное сознание и поведение, факторы динамики общественного развития, ценности и предпочтения людей. При этом она противопоставляла себя традиционной политической истории. Показательно, что на протяжении XX в. историки эффективно осваивали исследовательские методы социологии (контент-анализ, построение моделей и другие), а также её терминологию и понятийный аппарат.

Становление и расцвет социальной истории, как ведущей исторической дисциплины, связывается с движением за междисциплинарную историю, обогащенную теоретическими моделями и исследовательской техникой социальных наук, в противоположность традиционной истории, которая рассматривалась исключительно как область гуманитарного знания. В русле этого интеллектуального движения, развивающегося в изменяющихся условиях на протяжении второй половины XX в. и родилась новая социальная история, которая выдвинула задачу интерпретации прошлого в терминах, описывающих внутреннее состояние общества, его отдельных групп и отношений между ними [9, 62].

4. В настоящее время существует несколько версий социальной истории. Одна из них — социологическая, выявляющая условия деятельности различных социальных групп и процессы, происходящие в них, другая — социокультурная, изучающая социокультурные практики и рассматривающая процесс формирования социального в деятельности культурных субъектов [4, 462]. Внимание социального историка привлекают: взаимодействие государства с обществом, влияние общественности на политику, участие в политическом процессе различных социальных групп. В социальной истории чрезвычайно велик интерес к обществу, к его структурам — сословиям, классам, социальным слоям, а также к протекающим в нём социальным процессам, общественным движениям — рабочему, женскому, демократическому.

В 1960-1970-е гг. среди ученых велись обсуждения относительно междисциплинарного взаимодействия истории и социологии, в ходе которых явственно обнаружилось, с одной стороны, стремление социологов к освоению исторического материала («историизация» социологии), а с другой — поворот части «новой историографии» к теоретической и социальной истории, к поискам общей модели, которая позволила бы связать отдельные исследования, сравнить и обобщить их [9, 22].

5. В последнее время возрастает интерес к *исторической социологии*, которая ставит своей задачей изучение социальных изменений и тенден-

ций в развитии общества, выявление закономерностей, развитие новой теории, способной обеспечить более убедительные и исчерпывающие объяснения исторических явлений и структур. В силу специфики задач такая социология отличается от социальной истории более интенсивным и всесторонним использованием социологического инструментария [5, 57].

Актуализировалась проблема изучения «историзации» социологии. Историческая социология использует инструментарий всей науки об обществе, переосмысливая материал, собранный и описанный на языке исторической науки, в социологических понятиях и концепциях, и познавая явления прошлого с самого начала с помощью инструментария социологии [6, 50].

В настоящее время в связи с процессами глобализации, информатизации, развития средств коммуникации, расширяется диапазон отбираемых и актуализируемых традиционных культурных образцов различных обществ. Усиливается их подвижность, интенсифицируются процессы взаимодействия, заимствования, диффузии [1, 243]. Это можно в полной мере отнести и к исследованию проблем исторической социологии: исторической урбанистике (изучение динамики числа городов и горожан, изменения функций городов, профиля социальной структуры городского населения), индивидуальной и групповой мобильности (анализ демографической ситуации, структуры семьи, функции полов).

6. Применение социологических моделей анализа межличностных взаимодействий дало импульс развитию *контекстуальной исторической биографии*, которая, опираясь на сетевую концепцию социальной структуры, объясняет поведение исторического индивида плотностью и интенсивностью межличностных контактов [11, 170]. Усиление роли социологии в историческом исследовании привело к возрастанию социологизма в историческом познании. Данный принцип исторического исследования направляет ученого на поиск общего и закономерного в исторической действительности. Он позволяет интерпретировать познавательную деятельность историка с позиций «нейтрального наблюдателя» [3, 464]. Предметная область классической модели исследования – надиндивидуальная историческая действительность, что ориентирует исследователей на изучение социальных отношений, процессов и структур.

В преподавании дисциплин гуманитарного цикла можно вспомнить четкую структуру советского периода: исторический, философский и социально-философский, политико-экономический (не чисто экономический) и социолого-политологический модули, имеющие в своей методической и методологической основе единый познавательный стержень и единую организационную основу. В настоящее время за гуманитарную

подготовку студентов «отвечают» история и философия, оставляя вне внимания целый пласт познавательных и социальных проблем. Такая ситуация характеризуется, как минимум, содержательной дискретностью и когнитивными разрывами в сознании студентов. Междисциплинарность, как основа мировоззренческой зрелости и целостности личности, а также её адекватной социализации в мире, остается вне образовательного поля гуманитарных наук.

В таких условиях фундаментальные вопросы, в частности связанные с поиском цивилизационной идентичности, остаются внешними и неустраиваемыми в студенческой среде.

Таким образом, для современного отечественного вузовского образования одним из актуальных вопросов является поиск моделей такого структурирования дисциплин, которые бы взяли на себя функции полного методологического контента гуманитарного знания. В частности, преподавание истории должно включать в себя элементы междисциплинарности и полипарадигмальности, превращая блок социально-гуманитарных дисциплин в модель «методологии полного цикла», включающую в себя момент познавательной рефлексии универсального характера. Полагаем, что этот тезис здесь обозначен в большей степени как проблема для обсуждения и дальнейшего научного поиска.

Социальная история на пути поиска цивилизационной идентичности России. И.П. Кондаков определяет цивилизационную идентичность как наиболее широкую и обобщенную категорию в ряду иных социокультурных идентичностей — этнонациональной, конфессиональной, социально-политической, региональной и т.п. [3].

Полагаем, что можно попытаться рассмотреть цивилизационную идентичность как отношение между социальными субъектами, складывающееся по поводу поиска качественной определенности рода, родового соотношения с другими субъектами разных уровней, а также принадлежности к субъекту самого высокого уровня. Субъекты цивилизационной идентичности — индивид, группа, этнос, собственно цивилизация. Каждый из них может соотносить себя с цивилизацией, тем самым определяя свою цивилизационную идентичность. Под термином «родовое» мы понимаем наиболее глубокое свойство субъекта, закрепленное в поколениях и «защищенное» от частных и несущественных социокультурных трансформаций. Это, своего рода, глубинная идентичность, субидентичность. Именно суб-, а не над-, где «над-» — нечто, связанное с надстройкой, то, что возникает в результате работы с миром идей. Цивилизационная идентичность как *субидентичность* складывается постепенно в результате совокупности объективных процессов, происходящих в глубинах социума.

Обращение к проблематике цивилизационной идентичности, как правило, происходит в периоды сложного, переломного развития субъекта с целью «проверки» или поиска верного вектора дальнейшего пути и обязательного соотнесения себя с общим контекстом мирового развития. Здесь возможны два варианта: первый — поиск «своей» цивилизации с пониманием своего места в общем цивилизационном контексте (пример — прибалтийские страны постсоветского периода); при этом этот поиск может оказаться не совсем удачным (как например, в Украине); второй — вскрытие своей цивилизационной сущности и обоснование собственного типа цивилизации. Россия идет по этому пути, так как ей не удалось найти своё место в западной цивилизации.

Однако, несмотря на объективный характер становления цивилизации, цели поиска содержания и смысла цивилизационной идентичности — актуальнейшая задача, как для института науки, так и для сферы образования. Формирование цивилизационного мировоззрения населения есть одно из главных условий эффективного функционирования общества в соответствии со своей цивилизационной миссией.

Междисциплинарность, при поиске и обосновании цивилизационной идентичности, выступает универсальным как исследовательским, так и образовательным принципом. Во-первых, невозможно феномен такого уровня абстракции, как цивилизационная идентичность, «вскрыть» с помощью инструментария одной отрасли знания. Полагаем, что междисциплинарный подход позволяет вычлениить и применить универсальные, общие для разных отраслей научного знания исследовательские способы и приемы. Во-вторых, соответственно, транслировать полученный результат возможно только на подготовленную почву культуры. А для этого необходимо, чтобы сознание людей было способно воспринимать междисциплинарную логику.

Таким образом, мы выходим на понятие цивилизационного сознания людей, которое, с одной стороны, является чертой их цивилизационной идентичности, с другой — междисциплинарным феноменом. Примерами междисциплинарного подхода в истории являются, в частности, «социальная история» и «историческая социология», о которых идет речь в данной работе.

От социальной истории, в силу специфики её предмета — акцентирование внимания на исторической динамике всеобщих моделей социальной жизни, мы вправе ожидать обоснование и анализ специфики российской цивилизации на всем протяжении истории, определение её места в мировом сообществе. В частности, популярный ныне тезис о России как самостоятельной цивилизации — весьма яркое проявление мышле-

ния как раз в сфере социальной истории и смежных дисциплин. Вопрос в том, чтобы дать полное и строгое обоснование этому тезису. А это возможно лишь при анализе всех возможных исторических моделей разных типов цивилизации, поиске их общих и специфических характеристик указанных моделей. И главное — понять, вправе ли мы в принципе претендовать на самостоятельный путь отдельной цивилизации или это может оказаться губительным для России.

В стране уже есть негативный опыт использования готовых технологий организации собственного цивилизационного пространства. Но никто из ученых пока не доказал их принципиальную неэффективность, как и то, что наша цивилизация устроена по-другому. Скорее произошло наоборот, поскольку у нас не получилось применить эти технологии, то мы сделали вывод, что Россия — другая цивилизация. При этом нам близко понимание цивилизационного формата России. Но это вопрос для дальнейшего анализа, требующий междисциплинарного опыта исследований.

Историческая социология, в свою очередь, могла бы ответить на вопросы, вставшие вновь перед нашими соотечественниками: в каком обществе мы живем? Что такое Россия? С одной стороны, позитивный и однозначный ответ на этот вопрос рядом российских последователей Маркса, сумевших обозначить социальную канву общества (истинную или ложную), в советский период истории дал мощный цивилизационный рывок, сопровождавшийся колоссальными социальными приобретениями и потерями (с одной стороны — «от сохи к ядерной бомбе», с другой — чудовищные человеческие и материальные потери во внешних и внутренних войнах и фактически поделенный пополам мир). С другой стороны, попытки изменить общество без глубокого теоретического обоснования, квинтэссенцией чего стал тезис одного из прошлых лидеров страны — «мы не знаем страну, в которой живем», а также утверждения ведущих отечественных социологов в начале 1990-х гг. — «страна потеряла качественную определенность», едва не привели к гибели нашей цивилизации.

От аномии общества только на одной прагматике, только на логике здравого смысла и даже на выдающемся ручном управлении невозможно перейти к целостному устойчивому обществу. И пока, с разной степенью успешности, создается новая страна: появляются новые отрасли экономики (нефтепереработка, сельское хозяйство, здравоохранение), иные вертикали и горизонталы управления и формы гражданского общества (как последнее голосование за поправки к Конституции), возникает новое качество цивилизации в целом. Задача социальной истории и исторической социологии — проанализировать такие феномены, как социальные институты в качестве скреп общества, и возникающий диссонанс

между ними, при котором основные институты зачастую «работают» вхолостую, вне связи друг с другом, самодостаточные и закрытые).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. – 2010. – Том IV. – С. 241-254.
2. Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. – М., 2006. – 224 с.
3. Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. – 2010. – Том IV. – С. 282.
4. Лубский А.В. Социологизм в историческом познании // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. – М., 2014.
5. Маловичко С.И. Социальная история // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. – М., 2014. – 543 с.
6. Миронов Б.Н. Социология и историческая социология: взгляд историка // СОЦИС. – 2004. – № 10. – С. 55-63.
7. Миронов Б.Н. Историческая социология: опыт и перспективы // СОЦИС. – 2005. – №1. – С. 41-53.
8. Поршнева О.С. Концепции и методы социологии в историческом исследовании // Вестник РУДН. Серия «История». – 2006. – № 2. – С. 31-39.
9. Резник Ю.М. Социальная теория: предмет и междисциплинарный статус // Вопросы социальной теории. – 2007. – Том I. – Вып. 1 – С. 306-320.
10. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. – М.: ЛКИ, 2009. – 320 с.
11. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 416 с.
12. Романовский Н.В. Социология и история: перспективы взаимодействия // Вестник РГГУ. Серия «Философия, социология, искусствоведение». – 2010 – № 3. – С. 13-29.

Поступила в редакцию 05.05.2020 г.